

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Майя Андреевна Ядова

кандидат социологических наук,
заведующая отделом социологии и социальной психологии
Института научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия;
e-mail: m.yadova@mail.ru

УДК 316(05)

DOI 10.24411/2079-0910-2020-11008

Новые идеи в российской социологии: Проблемно-тематический репертуар отечественных социологических журналов

Сегодня для социальных наук, в том числе социологии, характерен интенсивный поиск ответов на вызовы времени. Современные тенденции общественного развития, связанные, прежде всего, с появлением информационных технологий, трансформацией характера научного знания (усиление трансдисциплинарности, «индустриализация» науки, ускоренное производство и распространение информации) и стремительно меняющимися социальными реалиями, вынуждают исследователей пересмотреть привычные концепции, методы и подходы. В настоящей работе анализируются проблемно-тематический репертуар российских социологических журналов и актуальные материалы, опубликованные в ведущих научных журналах: «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Мир России». Среди обсуждаемых тем: новые концепции и теоретико-методологические направления в социологии, а также нетривиальные мнения и подходы отечественных обществоведов относительно недавно возникших и пока малоизученных социальных явлений.

Ключевые слова: новые идеи в российской социологии, социальные феномены, диагностика социальной реальности, информационные технологии, социологические методы и подходы, социальные трансформации, российское общество, глобализация.

Сегодня для социальных наук, в том числе социологии, характерен интенсивный поиск ответов на вызовы времени. Современные тенденции общественного развития, связанные, прежде всего, с внедрением информационных технологий и изменением характера научного знания (усиление трансдисциплинарности, «индустриализация» науки, ускоренное производство и распространение информации), вынуждают исследователей пересмотреть привычные теории, методы и подходы. В данной работе анализируется проблемно-тематический репертуар высокорейтинговых российских социологических журналов, входящих в международные базы цитирования *Web of Science* и *Scopus*: «Социологические исследования», «Социоло-

гический журнал» и «Мир России»¹. В центре нашего внимания — нетривиальные мнения и оценки отечественных обществоведов, а также теоретико-методологические подходы, разработанные ими за последние годы. Рассматривались материалы, опубликованные в 2014–2019 гг. в рубриках «Новые идеи в общественном сознании и социальной практике» и «Особое мнение» журнала «Социологические исследования», а также публикации, размещенные в «Социологическом журнале» и журнале «Мир России» и фокусирующиеся на малоизученных или дискуссионных проблемах современной социологии.

Начнем с работ, посвященных новым направлениям в отечественной социологии. Так, в статье заведующего кафедрой философии Ульяновского государственного университета В.А. Бажанова обсуждаются вопросы нейросоциологии [Бажанов, 2017]. Автор подчеркивает, что «биологическое» и «социальное» по своей сути не антиподы, а полюса реальности, до недавнего момента изучавшиеся в отрыве друг от друга. Ему представляется эффективным исследование различных форм активности сознания на индивидуальном и коллективном уровнях с учетом влияния на них нейробиологических структур. Именно такого рода установки фактически лежат в основаниях нейросоциологии и содержательно близкой ей социальной (когнитивной) нейронауки.

В качестве примера научного взаимодействия социологии и нейронауки В.А. Бажанов приводит результаты ряда нейросоциологических исследований. Так, было обнаружено, что для коллективистских сообществ характерен холистический принцип познания, согласно которому контекст всегда важнее отдельных частей. Членам индивидуалистских обществ свойственно социальное познание аналитического типа: в первую очередь внимание обращается на конкретные вещи, в то время как изучение контекста уходит на второй план².

Особенности социальной организации определяются и размером мозга. Антрополог Р. Данбар заметил, что феномены моногамных парных брачных и дружеских союзов наблюдаются только у живых существ с увеличенным объемом мозга и особенно неокортекса — новой области коры головного мозга, отвечающей за формирование сложных форм поведения³. Он нашел, что предельное количество постоянных социальных связей, которые способен поддерживать человек, составляет в среднем 150 (так называемое число Данбара). Все это позволяет говорить о «соци-

¹ «Социологические исследования» — ежемесячный научный и общественно-политический журнал, основанный в 1974 г. Занимает одно из первых мест в РИНЦ по импакт-фактору среди журналов социального профиля и первое место среди журналов по социологии, входит в системы цитирований *Scopus* и *Web of Science*. «Социологический журнал» — независимое профессиональное издание для социологов, периодичность — 4 номера в год. Создан в 1994 г., входит в *Scopus*. Оба журнала издаются Институтом социологии РАН (с 2017 г. — ФНИСЦ РАН). Ежеквартальный журнал «Мир России» основан в 1992 г., с 1998 г. издается НИУ «Высшая школа экономики». Индексируется в *Scopus* и *Web of Science*. Все рассматриваемые издания включены в перечень периодических изданий, утвержденный ВАК РФ для опубликования результатов кандидатских и докторских диссертаций по социологии.

² *Sfera A., Osorio C. Thinking pattern East and West // SOJ psychology. Normal (IL), 2014. Vol. 1, no. 4. P. 1–2.*

³ Подробнее см., например: *Dunbar R.I.M. Darwin and the Ghost of Primes Gage: Neuroevolution and the social brain // CORTEX. Los Angeles (CA), 2009. Vol. 45. P. 1119–1125.*

альном мозге», который получил свое развитие в процессе эволюции и социальных взаимодействий человека.

Подводя итог, В.А. Бажанов отмечает, что развитие человеческого мозга неравномерно связано с социально-культурными условиями, в которых мы существуем.

Статья доцента Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Ю.С. Шкурко продолжает поднятую Бажановым тему взаимодействия социальных и естественнонаучных дисциплин [Шкурко, 2017]. В работе сопоставляются особенности нейросоциологии и других социально ориентированных нейронаук. По словам Ю.С. Шкурко, из всех социально ориентированных нейронаук нейросоциология остается наименее развитой. Как в России, так и за рубежом число полноценных самостоятельных нейросоциологических исследований пока ничтожно мало. Причину этому автор статьи видит в неразвитости институциональных связей между представителями общественных и естественных наук, инертности и консерватизме социологического сообщества.

Тем не менее, по убеждению Ю.С. Шкурко, многое из того, что открыто специалистами в области нейронауки, было бы чрезвычайно полезно социологам. Так, она приводит принципы «доктрины мультиуровневого исследования», сформулированные американскими учеными, основоположниками социальной нейронауки, Дж. Качиоппо и Г. Бернтсоном [там же, с. 7]:

- 1) множественный детерминизм: рассматриваемое явление одного уровня организации (например, предрасположенность к определенной социальной оценке и пр.) может иметь истоки как на том же самом уровне, так и на других;
- 2) заключение о близости: отображение связей между элементами разных уровней усложняется по мере роста числа промежуточных уровней организации;
- 3) неаддитивный детерминизм: свойства целого не сводятся к свойству его частей, по крайней мере до того момента, пока целое не будет досконально изучено;
- 4) взаимный детерминизм: существует взаимное влияние между факторами микроуровня (например, биологическими) и макроуровня (например, социальными) в детерминировании работы мозга и поведенческих процессов.

Автор напоминает, что на начальных этапах становления социологии ее «отцы-основатели» (О. Конт, Г. Спенсер и др.) тяготели к биологии. Такой подход, по словам Ю.С. Шкурко, не только «не размыл» новую науку, но и помог ей институционализироваться. В то же время уже к концу XIX в. приверженность первосоциологов биологизму, механицизму и эволюционизму наглядно продемонстрировала ограниченность подобных взглядов. Вместе с тем мы разделяем мнение Ю.С. Шкурко о том, что адекватное привлечение результатов актуальных исследований в сфере естественных наук не обедняет, а обогащает социологию.

В другой работе Ю.С. Шкурко предпринята попытка применения эволюционной теории и результатов нейронаучных исследований в рамках изучения проблемы социального неравенства [Шкурко, 2018]. Автор выделяет следующие поведенческие биограммы (биологические предрасположенности) человека — агрессивность, иерархию доминирования, связь матери и ребенка, доминирование мужчин, табу на инцест, склонность человека к установлению территориальных границ — в качестве эволюционных источников социального неравенства в современном обществе. Стремление к высокому статусу, материальному благополучию также, по ее

мнению, укоренено в биограммах человека, но и, правда, доработано культурой общества. Трудно не согласиться с Ю.С. Шкурко в том, что знание нюансов биологической природы человека позволяет лучше понять первопричины социального поведения, массовых предрасположений и установок.

Проблема, о которой идет речь в статье заведующей кафедрой Челябинской государственной академии культуры и искусств Л.Б. Зубановой и доцента Южно-Уральского государственного университета Н.Л. Зыховской, имеет отношение к малоизвестному в социальных науках направлению, изучающему роль запахов в жизни общества, — социологии запаха [Зубанова, Зыховская, 2016]. Авторами рассматривается возможность диагностики социальной реальности на основе обонятельных впечатлений — запаха.

Место ольфакторности (от лат. *olfactorius* — «благовонный, душистый») в языковой картине мира определяется ими на основе анализа ассоциирующихся с запахом слов, составляющих «Русский ассоциативный словарь»⁴. Словарь базируется на материалах опроса представительной выборки носителей русского языка. В итоге было обнаружено, что запахи, которыми наполнено окружающее нас пространство, воспринимаются в первую очередь как качества предметов (источников этих запахов). Затем следует «оценочная» классификация запахов по простейшей шкале «положительное — отрицательное». Для сознания носителя языка также важна степень интенсивности запаха и понимание агрессивности его природы. Поэтому ольфакторное восприятие «корректирует» реальную картину, подавляя негативные и акцентируя позитивные (приятные) запахи.

Кроме того, Л.Б. Зубановой и Н.Л. Зыховской были проведены формализованные интервью со ста жителями Челябинска, представителями разных возрастных групп (от 17 до 59 лет). Оценивалось личностно-ассоциативное восприятие респондентами социальной реальности в категориях ольфакторности. На основании результатов интервью были выделены стратегии самоопределения информантов в системе ольфакторного восприятия окружающей действительности.

Молодым респондентам (до 39 лет) наиболее близка стратегия вынужденной фиксации запаха; кроме того, они более склонны к ассоциативному восприятию запаха в нетипичных обстоятельствах (упоминались запахи тревоги, опасности, риска, удачи). Людям старшего возраста, как правило, свойственны стратегии включенности в ольфакторную реальность и ностальгической обращенности к запахам (они говорили о запахах детства, отчего дома, родного города и пр.).

Авторы статьи подчеркивают, что в ходе подобных исследований источники запаха «обрастают» дополнительными значениями, а вербализация запаха респондентами выводит их на уровень общесоциальных обобщений.

Работа профессора Вологодского государственного университета К.В. Кияненко посвящена одному из существенных, но почти не рассматриваемых аспектов социологии архитектуры — социальному знанию архитектора [Кияненко, 2018]. Автор исходит из понимания, что каждое архитектурное решение, как и каждая теория, опирается, явно или имплицитно, на представления архитектора о человеке,

⁴ Русский ассоциативный словарь. Кн. 1, 3. Прямой словарь: От стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ред. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин и др. М.: Помовский и партнеры, 1994; Кн. 2, 4. Обратный словарь: От реакции к стимулу. М.: Помовский и партнеры, 1996.

обществе, жизни вообще. Именно на этом концептуальном фундаменте, по мнению автора статьи, покоятся архитектурные решения.

Кияненко прослеживает корреляцию отдельных парадигм социально-архитектурного знания с социологическими, философскими, психологическими системами мышления. Например, социально-архитектурный функционализм во многом базируется на установках тейлоризма и фордизма, приравнивая жизнь к производственному конвейеру. Оправдание социально-архитектурного консьюмеризма лежит в плоскости удовлетворения потребностей. Тогда как приверженцы современного средового архитектурного видения находят поддержку своим идеям в экологических, инвайронментальных разделах социальных наук, в теориях партисипативной демократии. Для них важно создать обитаемое безопасное, комфортное пространство в сотрудничестве с его обитателями.

На наш взгляд, концепция парадигм социально-архитектурного знания, представленная К.В. Кияненко, дает возможность адекватно социально обосновывать те или иные архитектурные решения.

Статья доцента Санкт-Петербургского государственного университета Е.А. Орех фокусируется на малоизученном социальном феномене под названием «лукизм» (lookism), обозначающем дискриминацию по внешнему виду [Орех, 2016]. Анализируются причины возникновения интереса к этой проблематике в западном социологическом знании с 1980-х гг. и невнимания к теме в отечественной социологии. Лукизм предлагается рассматривать как дискриминирующее поведение, которому предшествует оценивание внешних данных человека на основе стереотипов, распространенных внутри социальной общности. Позитивные или негативные оценки внешности того или иного индивида становятся для последнего своего рода сильными или слабыми ресурсами, помогающими или препятствующими его социальному продвижению. Автор статьи замечает, что есть общества, в которых лукизм выражен менее явно, а есть те, где он силен. По ее мнению, лукизм обычно актуален в развитом обществе потребления либо в небогатых, но при этом зависимых от развития индустрии моды странах. Вместе с тем существуют общества, где лукизм не воспринимается как проблема, так как оценивание человека по внешности в них является вариантом нормы. По словам Орех, современная Россия представляет собой пример подобного общества. Именно этим она объясняет невнимание исследователей к проблеме дискриминации по внешности.

В работе доцента НИУ-ВШЭ и научного сотрудника РАНХиГС при Президенте РФ Е.Г. Ним раскрываются значение и перспективы формирования нового исследовательского направления — астросоциологии [Ним, 2018]. Традиционно исследования космоса считались привилегией естественно-технических наук, в то время как изучение социальных и культурных аспектов освоения космоса не представляло интереса для социальных исследователей. Вместе с тем автор статьи убеждена: социологи могут и должны сказать что-то «о человеческом обществе, летающем в космос, выживающем в космосе, воображающем космос».

Астросоциология представляет собой социологическое изучение взаимосвязи человечества и космоса, сфокусированное на астросоциальных феноменах. Концепт «астросоциальное» включает в себя любые социальные, культурные и поведенческие аспекты, связанные с исследованием и освоением космического пространства.

Автор выделяет и характеризует три модуса астросоциологии: астросоциальные исследования, исследования астрокультуры и исследования астрополитики. В первом случае космос рассматривается скорее как экстрасоциальный фактор, во втором — как социокультурная конструкция, в третьем, более узком, — как объект общественного мнения. При этом границы между выделенными направлениями весьма условны, все вместе они образуют обширное междисциплинарное поле.

По мнению Ним, существует множество потенциальных объектов для астросоциологических изысканий: космическая наука и индустрия, сообщества энтузиастов космоса, различные практики популяризации астрономии и т. д.

В статье доцента факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета В.И. Дудиной анализируются изменения, которым подвергаются социологические подходы, данные и методы под влиянием развития информационных технологий [Дудина, 2015].

Автор замечает, что в условиях цифровой социологии среди методов сбора социологических данных перестают доминировать опросные методы. Необходимость создания экспериментальной ситуации отпадает, когда появляется возможность собирать, обрабатывать и анализировать изначально цифровые данные.

В современных условиях важным методом анализа становится визуализация данных, с помощью которой избыточная информация структурируется в более компактную и доступную форму. По словам Дудиной, примерами визуальных моделей в социальных науках могут служить геодемографические профили в маркетинге, приемы визуализации социальных сетей и т. п.

Новые информационные технологии позволяют отслеживать всевозможные потоки действий и коммуникаций. При этом не всегда имеются данные о социально-демографических характеристиках пользователей и их мотивах. По мнению автора статьи, исследователям стоит сместить фокус внимания с изучения социодемографических характеристик и интерпретаций, связанных с теми или иными действиями, на изучение самих действий и их порядок.

В.И. Дудина предполагает, что в эпоху *big data* исследователю могут быть доступны данные обо всей генеральной совокупности единиц отбора. На наш взгляд, эта точка зрения слишком радикальна: информация обо всей генеральной совокупности доступна отнюдь не повсеместно, а лишь в ограниченном ряде случаев (например, при анализе мнений пользователей группы социальной сети). В то же время трансформации, происходящие в социологии, действительно способствуют переосмыслению того, что такое выборка и на каких основаниях она должна строиться.

Цифровая эпоха позволяет людям использовать множество разнообразных цифровых приложений для фиксации своей повседневной деятельности в блогах и аккаунтах, что дает обществоведам огромные возможности для тотального наблюдения. Поэтому необходимо учитывать такие побочные эффекты развития новых технологий, как вмешательство в частную жизнь, утечка персональной информации и пр.

В нижеследующих текстах ставятся вопросы о том, что представляет собой социология и насколько она схожа с другими сферами человеческой деятельности. Что, допустим, роднит ее с искусством? Готова ли она к изучению не только социальной, но и трансцендентной реальности?

Статья ведущего научного сотрудника социологического факультета МГУ профессора А.И. Кравченко посвящена роли метафор в формировании теоретического языка социологии, построении методического инструментария и интерпретации полученных данных [Кравченко, 2016]. Концептуальные метафоры, пишет Кравченко, лежат в основании категориального аппарата любой научной дисциплины, и каждая из них проходит долгий путь адаптации. Возникнув 20, 50 или 100 лет назад в качестве яркого образа, метафора постепенно «старееет», принимая форму научного термина.

Автор показывает, что уникальные метафоры составляют основу наиболее влиятельных социологических парадигм — марксизма, структурного функционализма, символического интеракционизма. Он также приводит яркие примеры метафоризации отечественной социологии. Так, он ссылается на книгу чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества», в которой вводятся в научный оборот новые категории-метафоры, придающие привычным образам оригинальный социальный смысл⁵. Галерея фантомных типажей, выделенных Ж.Т. Тощенко, достаточно велика и представлена бесами, позерами, мутантами, политическими клоунами, шутами, нарциссами, геростратами, эпигонами и пр.

По мнению А.И. Кравченко, использование метафор сближает социологию с искусством. В связи с этим он задается рядом вопросов. Если социология — наука, то почему в ней гармонично уживаются, казалось бы, малосовместимые количественная и качественная методологии? «Если она наука, то почему не происходит аккумуляции научного знания и последовательной смены парадигм, как в физике?» [Кравченко, 2016, с. 132]). Почему в ней одновременно сосуществует несколько перспектив, подходов, общих теорий, не имеющих между собой ничего общего? Не напоминает ли это ситуацию, сложившуюся в мировой живописи или музыке?

Однако, признавая за социологической наукой творческую составляющую, отметим в качестве ответа на вопросы, предложенные А.И. Кравченко, принципиальное отличие социогуманитарных дисциплин от «жестких» естественнонаучных и технических. Первые, как известно, изучают не просто объект, но объект-субъект, способный к собственным реакциям на действия исследователя, что не может не отразиться на результатах исследований. Поэтому достаточно бессмысленно ждать от социологии создания на данном историческом этапе «единственно верной» теоретической парадигмы и «картины мира».

Профессор В.А. Бачинин обращает внимание читателя на возникшую в последние годы тенденцию теологизации социогуманитарного знания [Бачинин, 2015]. Впрочем, «теологический поворот», по его мнению, проявляется большей частью внешним, а не содержательным образом.

Среди внешних факторов, содействующих сближению социологии с социальной теологией, он выделяет следующие: огромное количество христиан в мире и в России (треть населения нашей планеты — христиане); интенсификация практики диалога с мусульманским миром, вызванная продвижением исламской цивилизации в сторону Запада; вступление цивилизации и культуры в постсекулярную фазу развития; возросший интерес исследователей к теме сакрального как к своего рода мостику между профанной и трансцендентной реальностью.

⁵ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

Помимо этого, В.А. Бачинин отмечает внутренние факторы, подталкивающие социологию к сближению с социальной теологией, среди которых ключевыми считает истощение мировоззренческих и методологических ресурсов, периодические «интеллектуальные коллапсы», характерные для современной социологии.

Среди факторов, препятствующих такому сближению, Бачинин фиксирует наличие мировоззренческого барьера и атеистических предубеждений у большинства социологов «старой» формации (кроме того, социология как наследница секуляризма и позитивизма мало восприимчива к восприятию трансцендентных феноменов). Также он отмечает языковой барьер, мешающий социологам адаптироваться внутри непривычной языковой среды и осваивать категориальный аппарат социальной теологии.

В то же время В.А. Бачинин уверен, что, несмотря на разность интеллектуальных традиций социальных наук и теологии, научное взаимодействие социологов и социальных теологов вполне вероятно и продуктивно.

Предметом интереса некоторых исследователей являются новые формы занятости, возникшие в нашей стране на рубеже веков, и связанные с ними трудовые тренды. В работе профессоров Санкт-Петербургского государственного университета И.Л. Сизовой и И.А. Григорьевой обсуждаются изменения, происходящие в сфере труда: в содержании, организации, трудовых отношениях, на рынке занятости и пр. [Сизова, Григорьева, 2019]. Как свидетельствуют эмпирические исследования, значимые трансформационные процессы в мире труда протекают неравномерно.

Явно прослеживается тенденция гибридизации труда, что означает «наложение» или чередование форм и видов труда (например, наемной работы и самозанятости), трудовых отношений и сфер деятельности. Работа становится комплексным занятием: трудовые доходы извлекаются из разных источников. Также налицо тренд цифровизации труда, помогающий организовать процесс внедрения и управления инновациями.

Подобные трансформации приводят к ломкости, расколотости сферы труда и занятости, что влечет за собой появление новых, не всегда позитивных явлений типа прекаризации (от англ. *precarious* и лат. *precarium* — «ненадежный, нестабильный, неустойчивый» — явление, обозначающее нестабильные трудовые отношения, ведущие к ущемлению социально-трудовых прав работника). Однако, по мнению авторов статьи, именно в новых обстоятельствах работающему человеку дается шанс достичь значительных и ранее едва ли достижимых преимуществ — правда, в отдаленной перспективе. В современном трудовом мире выгоды имеют отложенный характер, констатируют Сизова и Григорьева, и не зарабатываются одномоментно, как в индустриальной системе.

В свою очередь профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского А.Н. Фатенков обсуждает такую трудовую норму, как эффективность [Фатенков, 2018]. Эффективность он предлагает понимать как способность достигать цели, расходуя минимум сил, средств, ресурсов. Он отмечает, что бездумные требования достижения эффективности, сокращения времени и гомогенизации пространства нередко приводят к плачевным результатам и примату формально-имиджевого антуража деятельности перед ее внутренним содержанием. Наиболее пагубно это сказывается на сферах, которые близки к человеку и творческой деятельности (здравоохранение, образование, культура, наука). По справедливому замечанию автора, трагикомично вы-

глядит гонка за наукометрическими показателями, охватившая в последние годы отечественную (да и зарубежную) науку: их количественный рост ничего не говорит ни о качестве, ни о содержании работы.

В статье профессора Ю.М. Плюснина, аналитиков А.А. Позаненко и Н.Н. Жидкевич (все из НИУ ВШЭ) на основе эмпирических данных исследуется феномен современного российского отходничества как особого вида трудовой миграции населения — внутренней сезонной миграции жителей малых городов и сел в столицы и крупные города [Плюснин, Позаненко, Жидкевич, 2015]. Авторы, анализируя социально-экономическое положение российских отходников, отмечают, что сегодня в России насчитывается не менее 15–20 млн чел. отходников: около трети всех семей в провинции живет за счет отхожих промыслов. Причем этот вид экономической активности почти не учитывается официальной статистикой. Если в советские годы отходничество было незначительно по своим масштабам, то начиная с середины 1990-х гг. оно получило распространение в малых городах европейской части страны, а теперь охватило территорию всей страны. Виды отхожей деятельности широко представлены «теневыми» малым предпринимательством (преимущественно в северных регионах) и наемным трудом в сфере услуг (в центральных и южных регионах).

Современное отходничество рассматривается авторами не только как новый образ жизни многих россиян, но и как особый социально-политический феномен. В связи с этим становится немаловажным вопрос о социальных и политических последствиях этого явления. Несмотря на то что отходники фактически исключены из публичной жизни, они становятся своего рода «культуртрегерами» местных сообществ. И всё же авторы статьи задаются вопросом: не станут ли нынешние отходники деструктивным фактором общественной жизни, не станут ли «мстить» за свое «внегосударственное» существование? Исследователи убеждены, что нет. Во-первых, значительная часть отходников имеет высокий квалификационный уровень; во-вторых, большинство из них выбрали такой тип заработка не от нужды, а из желания улучшить материальное положение своих семей. «Такие люди столь же мало склонны к разрушению основ, как и умелые профессионалы», резюмируют авторы [Плюснин, Позаненко, Жидкевич, 2015, с. 61]. Впрочем, на наш взгляд, сама постановка вопроса о возможной опасности нового «отхожего класса» свидетельствует о немалой доле цинизма проводимой российской властью политики в трудовой сфере. Ведь механизмы по возврату в социальную жизнь одной из самых продуктивных возрастных когорт россиян на государственном уровне не разрабатываются и, судя по всему, подобная разработка не представляется чиновникам общественно значимой.

Работа научного сотрудника НИУ ВШЭ А.А. Зудиной посвящена малоизвестной в нашей стране категории населения, которая не работает и не учится, — так называемой NEET-молодежи (сокращ. от англ. *Not in Employment, Education or Training* — «не учится, не работает и не участвует в профессиональной подготовке») [Зудина, 2019].

В международной статистике к NEET обычно относят юношей и девушек в возрасте 15–24 лет, исключенных из системы образования и трудовой сферы. В будущем это грозит не только сложностями с трудоустройством, но и социальными проблемами. В настоящей работе масштаб, динамика и социально-демографический портрет молодежи NEET в России анализируются на основе данных Об-

следования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата за 1995–2015 гг. Полученные результаты свидетельствуют о том, что за эти годы доля NEET-молодежи в России значительно сократилась благодаря активному вовлечению ее в обучение. Доля группы NEET в общей численности молодежи в этом возрасте в Европе и России составляет около 12%. В гендерной структуре NEET отчетливо доминируют девушки. Большую часть NEET-молодежи, как правило, составляют безработные, т. е. те, кто не имеет работы, но активно ее ищет. Остальные категории молодежи NEET представляют собой различные варианты экономически неактивного населения, т. е. находящегося за пределами рынка труда. Среди них люди с различными заболеваниями и инвалиды, а также те, кто вынужден на постоянной основе заботиться о других членах семьи (к примеру, молодые матери); те, кто по личным мотивам не стремится учиться или становиться занятым; «отчаявшиеся», отказавшиеся от поисков работы. По мнению Зудиной, стимулирование представителей молодежи NEET к повышению квалификации и переобучению, а также создание рабочих мест в сельской местности может привести к сокращению численности данной группы.

Продолжая тему молодежи, обратимся к статье первого проектора НИУ ВШЭ, профессора В.В. Радаева, в которой анализируются отличительные особенности поколения миллениалов, период взросления которого пришелся на 2000-е гг. [Радаев, 2018]. Напомним, что термин «миллениалы» (от лат. *millenium* — «тысячелетие») был введен в научный оборот американскими исследователями Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом в конце прошлого столетия для обозначения детей, которые родились после 1981 г. и должны были окончить среднюю школу на рубеже веков.

Проект В.В. Радаева стал первым крупным исследованием российских миллениалов в нашей стране. По словам Радаева, молодые поколения, вошедшие в новую жизнь без опыта советской жизни, повзрослев, начали воспроизводить новые поведенческие паттерны, делая происходящие сегодня социальные сдвиги необратимыми. Отечественные миллениалы родились преимущественно в период позднесоветских и постсоветских реформ (1982–2000), но их взросление происходило в стабильный и относительно благополучный период — с начала нового тысячелетия. В качестве источника информации автор использовал данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) 25-й волны 2016 г. и объединенный массив данных за 1994–2016 гг.

В результате исследования выяснилось, что поколение миллениалов отличается от предшественников по ряду признаков. Например, они откладывают до более позднего возраста многие поступки, которые ассоциируются с «взрослостью» (вступление в брак, рождение детей, начало профессиональной деятельности). Они намного активнее предыдущих поколений пользуются компьютером, Интернетом, смартфоном и социальными сетями. Кроме того, миллениалы потребляют существенно меньше алкоголя, меньше курят и более расположены к ведению здорового образа жизни по сравнению со старшими поколениями россиян. Также поколение миллениалов отличается большей удовлетворенностью жизнью по сравнению с другими возрастными группами. В.В. Радаев, сравнивая по всем поколениям доли тех, кто считает себя определенно верующим, обнаружил, что число таковых постепенно снижается с 56% в самом старшем мобилизационном поколении (период взросления 1941–1956 гг.) до 32% у миллениалов.

В целом В.В. Радаев отмечает, что гипотеза о значимых отличиях миллениалов от предшествующих поколений нашла подтверждение. Вместе с тем полученные результаты невозможно вписать в единую схему. В одних случаях имеет место постепенный рост анализируемого показателя от старших поколений к более молодым (использование гаджетов и цифровых технологий) или, наоборот, его снижение (уровень религиозности). В другом — все поколения демонстрируют сходство, несмотря на возрастные различия, за исключением миллениалов, которые стоят особняком (ориентация на здоровый образ жизни). В третьем случае наблюдается общее для всех поколений уменьшение распространенности определенных практик, но миллениалы во многом «ломают» сложившиеся ранее тренды (потребление алкоголя, отношение к курению). В четвертом случае их показатели заметно выше, чем у старших поколений, но во многом это можно считать преходящим феноменом (субъективное ощущение благополучия, экономический оптимизм). Все это, по мнению В.В. Радаева, является свидетельством того, что идея так называемого советского простого человека утрачивает свою актуальность, по крайней мере если иметь в виду неполитическую сферу. Вероятно, отечественная социология поколений нуждается в новых поколенческих схемах, которые могли бы стать альтернативой широко известной концепции «советского простого человека».

Обсуждая новые социальные явления, невозможно обойти тему общесоциальных — глобализационных — тенденций, далеко не всегда позитивных, под влиянием которых находится и наша страна. Руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, член-корреспондент РАН Н.И. Лапин предлагает использовать для объяснения процессов, происходящих в мире и в российском социуме в частности, принцип антропосоциокультурного эволюционизма, базирующийся на понимании социальной реальности как неразрывной триады элементов «общество — культура — личность» [Лапин, 2018]. Для понимания трендов глобализирующегося человечества необходимы новые основания типологии сообществ. Лапин выделяет следующие:

- а) самодостаточность сообщества;
- б) характер дифференцированности структуры (двухуровневые, многоуровневые), формы и способы коммуникаций между индивидами и их структурами;
- в) способы самоорганизации сообществ, их устойчивости и способности к изменениям;
- г) интегральные основания: уровень, качество жизни населения; удовлетворенность людей своей жизнью; идентификация с обществом, его ценностями; состояние самоорганизации сообществ.

Что касается постановки диагноза современному российскому социуму, исследователь, называя нашу страну «полуоткрытым обществом» [там же, с. 11], считает, что она находится в пограничном состоянии и очень медленно модернизируется. Это, по его мнению, способно породить серьезные обострения накопившихся социальных противоречий. Несмотря на то что Россия, по его мнению, вступила в подготовительную фазу вторичной модернизации, уровень модернизованности большинства региональных сообществ низок и контрастен (от клановой архаики до общества знаний).

Подтолкнуть современную Россию к саморазвитию могло бы, по мнению Лапина, координированное взаимодействие процессов изменений «сверху и снизу».

Н.И. Лапин предлагает следующие шаги для этого: внедрение многоуровневой инновационной системы, формирование сильного социального государства, независимые мониторинги взаимодействия населения и служащих органов управления в регионах.

Работы главного научного сотрудника ФНИСЦ РАН О.Н. Яницкого, не так давно опубликованные в журналах «Социологические исследования» и «Социологический журнал», посвящены вызовам и рискам глобализации [Яницкий, 2016; Яницкий, 2019]. Опираясь на труды российских и зарубежных теоретиков и собственный исследовательский опыт, автор пришел к следующим выводам [Яницкий, 2019]. Глобальный риск — неотъемлемый признак современной эпохи. Вызванные человеческой деятельностью риски и неопределенности нарушают мировой порядок, а граница, отделяющая общество от природы, ликвидируется. Современный мир, по Яницкому, представляет собой сверхсложную социобиотехническую систему (СБТ-систему), в которой протекают метаболические процессы обмена информацией, энергией, человеческими ресурсами и пр. Превращение мира в СБТ-систему означает, что все его социальные агенты должны стремиться к поддержанию всех ее сфер: земли, воды, воздуха, космического пространства и социотехнических систем. Наибольшие опасения Яницкого вызывает характерная для современного общества тенденция к тотальному подчинению социальной жизни техническим системам (концепции «умных машин», «умных городов» и т. п.), что может угрожать существованию всей человеческой культуры.

По словам исследователя, перед сегодняшней Россией стоят два вызова. Во-первых, необходимость социальной «цифровизации», которая влечет за собой трансформацию всей институциональной структуры общества. В условиях усилившегося внешнего давления этот переход должен осуществляться комплексно и оперативно. Второй вызов связан с нарастающей в обществе социальной неопределенностью (неуверенность в завтрашнем дне, инфляция, непопулярные реформы последних лет, «утечка мозгов» за рубеж, сильнейшее социальное расслоение), и это также требует скорейшего решения.

Другой материал на эту тему, написанный О.Н. Яницким в соавторстве с Е.Б. Бондаренко (Военная академия связи им. маршала Советского Союза С.М. Буденного), посвящен проблеме влияния глобализации на человека [Яницкий, Бондаренко, 2016].

По мнению авторов статьи, в современном мире естественный и социальный капитал индивида не может накапливаться вне международных связей общественного производства и воспроизводства. В то же время включенность в эти процессы ослабляет связь человека с историей, культурой и природой своей страны. Дружеские связи и семейные узы заменяются обезличенными сетевыми информационными структурами, изменение социальных ландшафтов в результате войн, природных и техногенных катастроф разрушает сложившиеся общности. Все это ведет к ослаблению социокультурной идентичности человека. Знание не только российской, но и национальной истории, грамотная оценка современных социобиотехнических систем являются важнейшими культурными «скрепами» для российского народа. Очевидно, что в подобных условиях огромная ответственность ложится на публичных интеллектуалов (ученых, преподавателей, общественных деятелей, журналистов), убеждены О.Н. Яницкий и Е.Б. Бондаренко.

В центре внимания руководителя Департамента качественных исследований ВЦИОМ Е.А. Михайловой также находятся риски, с которыми сталкивается современное общество. Правда, речь идет о вызовах иного порядка — нанотехнологических [Михайлова, 2014].

При разработке и внедрении современных инновационных продуктов не всегда учитываются риски, которые это может повлечь за собой. Последнее нередко приводит к категорическому отторжению целых научных направлений (ядерная физика после катастроф на Украине и в Японии, геновая инженерия и др.) и к замораживанию масштабных проектов. Социально-гуманитарный анализ технологических рисков за рубежом является важнейшим направлением исследований. Анализ данных социологического исследования, проведенного ВЦИОМ в 2014 г., позволил оценить уровень понимания россиянами содержания нанотехнологических процессов, а также выявить доминирующие в общественном сознании опасения и ожидания, связанные с развитием нанотехнологий в России.

В целом проведенное исследование показало, что россияне понимают: нанотехнологии становятся неотъемлемой составляющей жизни каждого. Однако проблема гуманитарных и социальных рисков нанотехнологий представлена в информационном поле крайне слабо. Обусловлено это как низким уровнем изученности проблемы, так и отсутствием единой для всех институтов инновационного развития концепции информирования населения о рисках, связанных с использованием высокотехнологичных продуктов. Когда речь идет о внедрении продукции с использованием наноматериалов, населению недостаточно просто услышать красивые лозунги об их необыкновенных свойствах — важно, чтобы эта информация транслировалась учеными, являющимися специалистами в данной сфере.

Работа доцента НИУ ВШЭ В.В. Карачаровского и ординарного профессора НИУ ВШЭ О.И. Шкаратана продолжает поднятую ранее тему модернизации российского социума [Карачаровский, Шкаратан, 2019]. На их взгляд, анализ жизненных целей россиян позволяет понять социальный вектор развития нашего общества, саму возможность его модернизации.

Результаты репрезентативного опроса 2017 г. (N = 700) продемонстрировали неоднородную картину. С одной стороны, очевидна высокая отстраненность от долгосрочного целеполагания в осуществлении своих идей почти у 48% россиян, и во многом это представляет собой недоиспользованный ресурс модернизации. Лишь 1–1,5% опрошенных, даже перейдя рубеж зрелого возраста, продолжают видеть и ставить цели, причем цели социально значимые, например, воспитание и передачу знаний следующим поколениям.

Авторы подчеркивают выраженную тенденцию к чистому утилитаризму в целеполагании у значительной части молодого и зрелого поколений. Понимая, что перекося в пользу целей первого типа отражает нерешенные социально-бытовые проблемы российского социума, тем не менее авторы подчеркивают, что чистое потребление в виде главной жизненной цели «ведет общество по пути, у которого нет будущего» [там же, с. 15].

В статье профессора Финансового университета при Правительстве РФ Е.В. Балацкого обсуждаются возникшие под влиянием глобализационных процессов противоречия в деятельности традиционной университетской системы во всем мире [Балацкий, 2015]. Автор с сожалением констатирует, что университеты в скором времени утратят свои позиции. Например, ему представляется устаревшим tradi-

ционный «монологовый» формат лекций, который вызывает у студентов психологическое отторжение. Альтернативой традиционному формату образования может стать товарищеский стиль обучения, считает исследователь. Вместе с лекциями, по мнению автора, уйдет в прошлое и классический институт профессуры.

Помимо неадекватности источника знаний (профессоров) и формы обучения (лекций) современная система грешит еще по крайней мере тремя недостатками, которые выражаются, по словам Балацкого, формулой «3 х П», т. е. «трижды плохо» (*плохо по цене / плохо по срокам / плохо по качеству*).

Кризис нынешней системы университетского образования вызван технологическими сдвигами. Сегодня, убежден автор статьи, уже можно говорить о нескольких вполне сформированных элементах новой образовательной реальности — дистанционного образования (ДО) с его ориентацией на интернет-программы и онлайн-обучение. Это позволяет говорить о сосуществовании в современном мире двух типов университетского образования — традиционного (очного) и дистанционного (виртуального). Е.В. Балацкий задается вопросом: какой из этих двух секторов станет определяющим в ближайшие годы? В будущем расширение рынка ДО будет только продолжаться, уверен он.

Таким образом, проведенный анализ актуальных материалов в научной социологической периодике демонстрирует, что социология в нашей стране по-прежнему остается одной из наиболее динамично развивающихся отраслей социального знания. В качестве позитивного факта необходимо отметить, что российские ученые не только оперативно реагируют на происходящие в мире изменения, но и обогащают оригинальными идеями и исследовательскими подходами мировую социологию.

Литература

Бажанов В.А. Идея нейросоциологии в современной социальной мысли // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 27–33.

Балацкий Е.В. Новые тренды в развитии университетского сектора. Мир России. 2015. № 4. С. 72–98.

Бачинин В.А. Что может ждать социологию за теологическим поворотом? // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 140–149.

Дудина В.И. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 13–22.

Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л. Запах: Ольфакторная грань социальной реальности // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 13–20.

Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России // Мир России. 2019. Т. 28., № 1. С. 140–160. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160.

Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 5–17. DOI: 10.31857/S013216250003743-0.

Кияненко К.В. Парадигмы социального знания и обоснования в архитектуре // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 30–39. DOI: 10.31857/S013216250001956-4.

Кравченко А.И. Метафоры в социологии: Новые перспективы или путь в никуда? // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 124–133.

Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм — метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518030017.

- Михайлова Е.А.* Нанотехнологические риски и их восприятие обществом // Социологический журнал. 2014. Т. 20. № 4. С. 59–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.20.4.237>.
- Ним Е.Г.* Космос как фронтير социологии // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 8–27. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.2.5843](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5843).
- Орех Е.А.* Феномен лукизма и возможности его социологического анализа // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 3. С. 67–81. DOI: [10.19181/socjour.2016.22.3.4585](https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.3.4585).
- Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н.* Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. № 1. С. 35–71.
- Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: [10.7868/S0132162518030029](https://doi.org/10.7868/S0132162518030029).
- Сизова И.Л., Григорьева И.А.* Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 48–71. DOI: [10.19181/socjour.2018.25.1.6279](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6279).
- Фатенков А.Н.* Эффективность как ложный ориентир развития общества? // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 135–145. DOI: [10.31857/S013216250000192-4](https://doi.org/10.31857/S013216250000192-4).
- Шкурко Ю.С.* В поисках нейросоциологии // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 3–11.
- Шкурко Ю.С.* Развитие эволюционной нейросоциологии: Поведенческие биограммы и биологическая предрасположенность к социальному неравенству // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 23–29. DOI: [10.31857/S013216250001955-3](https://doi.org/10.31857/S013216250001955-3).
- Яницкий О.Н., Бондаренко Е.Б.* Глобализация и индивид // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 4. С. 42–59. DOI: [10.19181/socjour.2016.22.4.4811](https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.4.4811).
- Яницкий О.Н.* Вызовы и риски глобализации: Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39. DOI: [10.31857/S013216250003745-2](https://doi.org/10.31857/S013216250003745-2).

New Ideas in Russian Sociology: Problematic and Thematic Repertoire of Domestic Sociological Journals

МАГУА А. ЯДОВА

Department of Sociology and Social Psychology,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS
Moscow, Russia
e-mail: m.yadova@mail.ru

Nowadays, an intensive search for responses to challenges of the time is typical for social sciences, including sociology. Modern tendencies of social development related first of all to emergence of information technologies, transformation of scientific knowledge nature (enhancement of transdisciplinarity, “industrialization” of science, acceleration of production, and spread of information), and rapidly changing social realities force researchers to revise established concepts, methods and approaches. Problematic and thematic repertoire of Russian sociological journals and relevant materials published in such leading national academic journals as “Sociological Studies”, “Sociological Journal”, and “Universe of Russia” are being analysed in this work. The article discusses the new concepts and theoretical and methodological trends in sociology as well as unconventional opinions and approaches of Russian social scientists regarding relatively recently emerged and so far little-studied social phenomena.

Keywords: new ideas in Russian sociology, social phenomena, social reality diagnostics, information technologies, sociological methods and approaches, social transformations, Russian society, globalization.

References

Bachinin, V.A. (2015). Chto mozhet zhdat' sotsiologiyu za teologicheskim povorotom? [What might await sociology beyond theological turn?], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 3, pp. 140–149 (in Russian).

Balatsky, E. (2015). Novye trendy v razvitii universitetskogo sektora [New trends in the development of the university sector], *Mir Rossii*, no. 4 (24), pp. 72–98 (in Russian).

Bazhanov, V.A. (2017). Ideya neyrosotsiologii v sovremennoy sotsial'noy mysli [The idea of neurosociology in contemporary social thought], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 4, pp. 27–33 (in Russian).

Dudina, V.I. (2015). Sotsiologicheskoye znaniye v kontekste razvitiya informatsionnykh tekhnologiy [Sociological knowledge in the context of information technologies development], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 6, pp. 13–22 (in Russian).

Fatenkov, A.N. (2018). Effektivnost' kak lozhnyy orientir razvitiya obshchestva? [Effectiveness as a False landmark of development], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 7, pp. 135–145 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250000192-4.

Karacharovskiy, V.V., Shkaratan, O.I. (2019). Raznyye tseli odnogo obshchestva [Different goals of the same society], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 1, pp. 5–17 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250003743-0.

Kiyanenko, K.V. (2018). Paradigmy sotsial'nogo znaniya i obosnovaniya v arhitekture [Paradigms of social knowledge and validation in architecture], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 9, pp. 30–39 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250001956-4.

Kravchenko, A.I. (2016). Metaforiy v sotsiologii: Novye perspektivy ili put' v nikuda? [Metaphors in sociology: a new perspective or a road to nowhere?], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 7, pp. 124–133 (in Russian).

Lapin, N.I. (2018). Antroposotsiokul'turnyy evolyutsionizm — metateoreticheskiy printsip izucheniya soobshchestv ludey [Anthroposociocultural evolutionism — a metatheoretical principle of studying human communities], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 3, pp. 3–14 (in Russian). DOI: 10.7868/S0132162518030017.

Mikhaylova, E.A. (2014). Nanotekhnologicheskkiye riski i ikh vospriyatiye obshchestvom [Nanotechnology risks and public perception], *Sotsiologicheskyy Zhurnal = Sociological Journal*, no. 4 (20), pp. 59–71 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.20.4.237>.

Nim, E.G. (2018). Kosmos kak frontir sotsiologii [Outer space as a sociological frontier], *Sotsiologicheskyy Zhurnal = Sociological Journal*, no. 2 (24), pp. 8–27 (in Russian). DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5843.

Orekh, E.A. (2016). Fenomen lukizma i vozmozhnosti ego sotsiologicheskogo analiza [The phenomenon of lookism and its sociological analysis], *Sotsiologicheskyy Zhurnal = Sociological Journal*, no. 3 (22), pp. 67–81 (in Russian). DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4585.

Plusnin, Ju., Pozanenko, A., Zhidkevich, N. (2015). Otkhodnichestvo kak novyy faktor obshchestvennoy zhizni [Seasonal work (otkhodnichestvo) as a new social phenomenon in modern Russia], *Mir Rossii*, no. 1 (24), pp. 35–71 (in Russian).

Radaev, V.V. (2018). Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokoleniy: empiricheskyy analiz [Millennials compared to previous generations: an empirical analysis], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 3, pp. 15–33 (in Russian). DOI: 10.7868/S0132162518030029.

Shkurko, Yu.S. (2018). Razvitiye evolyutsionnoy neyrosotsiologii: Povedencheskiye biogrammy i biologicheskaya predraspolozhennost' k sotsial'nomu neravenstvu [Development of evolutionary neurosociology: behavioral biograms and biological predisposition to social inequality], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 9, pp. 23–29 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250001955-3.

Shkurko, Yu.S. (2017). V poiskakh neyrosotsiologii [In search of neurosociology], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 8, pp. 3–11 (in Russian).

Sizova, I.L., Grigoryev, I.A. (2019). Lomkost' truda i zanyatosti v sovremennom mire [Fragility of labor and employment in the modern world], *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*, t. 25, no. 1, pp. 48–71 (in Russian). DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279.

Yanitsky, O.N., Bondarenko, E.B. (2016). Globalizatsiya i individ [Globalization and an individual], *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*, no. 4 (22), pp. 42–59 (in Russian). DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4811.

Yanitsky, O.N. (2019). Vyzovy i riski globalizatsii: Sem' tezisov [Challenges and risks of globalization. Seven theses], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 1, pp. 29–39 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250003745-2.

Zubanova, L.B., Zyhovskaya, N.L. (2016). Zapakh: Ol'faktornaya gran' sotsial'noy real'nosti [Smell: olfaktorial facet of social reality], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 5, pp. 13–20 (in Russian).

Zudina, A. (2019). "Ne rabotayut i ne uchatsya": molodezh' NEET na rynke truda v Rossii [The NEET youth in the Russian labor market], *Mir Rossii*, no. 1 (28), pp. 140–160 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160.